

АЛЕКСАНДР
СЛАДКОВ

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ВОЙНЫ

РЕАЛЬНЫЕ
ИСТОРИИ
С ПЕРЕДОВОЙ

Сладков. Военные мемуары

Александр Сладков

Обратная сторона войны

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сладков А. В.

Обратная сторона войны / А. В. Сладков — «Эксмо»,
2026 — (Сладков. Военные мемуары)

ISBN 978-5-04-255136-9

Александр Сладков – самый известный военный корреспондент страны, побывавший во всех горячих точках. Свои яркие впечатления о противостоянии автор назвал «Обратной стороной войны». Это не только рассказы о боевых действиях, но и реальные истории о храбрости и человечности, мужестве и подлости, быте и надежде. Это истории без фальши и красного словца, такие, как их увидел военкор Сладков. Афганистан, Чечня, Дагестан и Донбасс – разные локации и годы лишь подчеркивают важность труда военного корреспондента и актуальность его свидетельств.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-255136-9

© Сладков А. В., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Короткими очередями реальные истории	6
Таджикистан (очередь первая)	9
Ваня	9
Волшебный мешок	11
Нас здесь нет	12
Ослиные уши	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Сладков

Обратная сторона войны

© Сладков А., 2026

© Кузнецов О. Н., иллюстрация, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Короткими очередями [реальные истории]

Дал же Бог хорошую память. Сотни путешествий, с одной войны на другую. По кругу. Одни горы, другие, аулы, кишлаки, города. Тысячи лиц. Но если меня растолкать ночью и спросить, где какие полки воевали и кто ими командовал, – не ошибусь. Потому что знал каждого лично. Мы жили в одних палатках, ходили одними тропами. А сколько было событий? Помню ли я подробности?

Опытный пулеметчик в бою не расстреливает всю ленту разом, экономя патроны. Он бьет короткими очередями, отсекая по две-три пули. Так и память – выдает из закромов не всю картину жизни, а лишь яркие ее эпизоды.

Скажем, первое в жизни редакционное здание.

– Что вы можете?

– Все.

– Хм... Человек, который говорит, что может все, как правило, ничего не может.

Разговор с руководителем радиостанции «Голос России» Абакумовым как-то не клеился. Я уже целый месяц работал в районной газете «Время», когда друзья предложили: сходи на радио, на Пятницкую, договоримся. Нашлись какие-то знакомые... Впрочем, почему «какие-то»? Приличные, хорошие люди. И вот Алексей Владимирович, вежливый, тактичный человек лет тридцати, в очках, с длинными волосами, в демократичной джинсовой куртке, аккуратно прощупывает меня на предмет профпригодности (или непригодности).

– А не могли бы вы сделать материал... Хм, на тему... Скажем, «Армия и политика»?

– Конечно, могу, – зачем-то вру я.

– Посмотрите... Ну, интервью военных можете записать, свои мысли...

Я получаю в радиойной каптерке обтянутый кожей пластмассовый ящик. И раскладной микрофон. Авантюра...

Через несколько дней я снова на Пятницкой. Протягиваю главреду кассету, на ней интервью с несколькими высокими генералами и маршалом Шапошниковым.

– Ого, молодой человек, да вы кое-что можете! Даже Шапошников у вас! Главнокомандующий Вооруженными силами СНГ! И как это вам удалось?

– Я ж вам говорю, я могу все!

– Ну что ж, продолжим наши контакты!

О том, что все эти военачальники живут у нас на дачах, в Монино, и что мне не составило труда внаглую просто взять да и постучаться к каждому, – я умолчал. Ради большой журналистики.

Я часто потом брал интервью у больших начальников. Иногда они были озабочены делами мира, но чаще – войной.

Дальше Таджикистан. Начало девяностых, зима. Душанбе, а в нем все с оружием. Группировки: «вовчики», «юрчики», «шурчики». Стайки боевиков, греющиеся у костров, как революционные матросы в семнадцатом. Боевики, настороженные и гогочущие, ссыпающие с ладоней под языки свой жгучий насвай. Раскрашенные БТРы, разъезжающие по широким проспектам, а на них – революционные полевые командиры, боевик Файзали и шашлычник Сангак. Вы можете идти по обычной восточной улице, запруженной тележками и людьми. Свернуть в переулок, а там – никого. Тихо. Только бородатый человек в грязном военном бушлате, аккуратно заглядывающий за угол с автоматом Калашникова на изготовку. И вдруг стрельба!!!!

Потом палящее лето. На горных дорогах – грузовики с телами российских солдат, погибших на афганской границе. Душанбинский военный госпиталь, забитый ранеными под завязку. Паленая водка «Араки-руси» и кислое местное пиво. Плов, шурпа, лагман. Дымящиеся мангалы и таджикский шашлык, нанизанный маленькими кусочками мяса на короткую шпажку.

Долгое ожидание вертолета на аэродроме, в надежде перелететь в Пянджский отряд, оттуда в Московский, а потом в Калай-Хумб, Хорог, Ишкашим... Пыль, жара и стрельба...

Приднестровье. Бои на легендарном мосту в Бендерах. Вспухшие тела румынских и молдавских военных, лежащих на асфальте после отбитой атаки на город. Винные погреба и жестокое похмелье от «Букета Молдавии». Российские добровольцы, обозленные казаки и улетающие за великую реку «эрэсы». И такие же, прилетающие с той стороны.

Абхазия. Бомборы, Бобушары и Гумиста. Штурм Сухума, летящие вниз тела грузинских «афганцев», обороняющих верхние этажи желтого здания республиканской администрации. Убитый фотокор Андрей Соловьев, пытавшийся снять, как эти тела слетают прямо на объектив. Мамалыга и копченое мясо, горящий очаг в абхазских апацках. Кодорское ущелье и его дороги, забитые угнанными автобусами и троллейбусами, оставленными бегущими в Грузию сванами.

Распадающаяся Югославия. Кажущийся благополучным Загреб, явно прифронтовой Белград и осажденный Сараево. Боснийский Мостар, разделенный рекой Неретвой. По одну сторону – целый и невредимый, благоухающий хорватский сектор, на другом берегу – разбитые кварталы сектора мусульманского. Сербска Краина, бывшая линия фронта, место, где впервые погибли российские репортеры: Геннадий Куренной и Виктор Ногин. А рядом домик убийцы. И та самая горка, с которой по «Опелю» журналистов ударили из гранатомета.

Первая Чечня. Реки грязи и крови. Испуганные солдаты и хохочущие боевики. Бандеровец Сашко Белый, дающий мне интервью у Дворца Дудаева. Разрушенный Грозный, забитые трупами городские колодцы и страшные рвы на Славянском кладбище, тоже заваленные телами: мирных русских, греков, немцев, армян. Горные села Ярышмарды и Дачу-Борзой, а рядом – сожженная колонна пехотного полка. Сотня разбитых машин, десятки трупов. Хасавюртовский мир и тысячи пропавших без вести пленных, с той и с другой стороны.

Афганистан. Очередная война. Вертолетные путешествия из Душанбе в Панджшер к недавним врагам-моджахедам. Верхом на ящиках с российским оружием и мешками афганских денег, напечатанных у нас на Урале, в Перми. Полевой командир Ахмад Шах Масуд. Русский язык, который вдруг слышится и в кишлачных лавчонках-дуканах, и среди моджахедов, и просто на улице. Фатальная афганская философия – «иншалла» – на все воля Божья, будет что будет.

Вторая кампания на Кавказе. Атакованный Дагестан. Пугающий шепот:

«Басаев и Черный араб – Хаттаб! Они нас разобьют!» Распухшие от жары тела российских солдат на камнях высохшего русла реки. Горящие подбитые вертолеты на Ботлихском аэродроме. Модная песня «Мальчик хочет в Тандо», которую пели перед штурмом горы Черепаша, рядом с которой и находилось село Тандо. Обезглавленные трупы десантников на горе Ослиное Ухо. Народное дагестанское ополчение и избитые в кровь первые пленные боевики. Наконец, поход в Чечню. Мой пятый по счету штурм Грозного. Двухнедельная битва за село Комсомольское. Я, идущий по центральной улице разрушенного села. И мои ноги, соскальзывающие с мертвых тел и голов, замаскированных пылью и грязью. Горное село Улус-Керт. Гибель шестой роты в бою с двумя тысячами атакующих боевиков.

А вот Ирак. Багдад. Везде портреты Саддама. На здании телеграфа – с телефонной трубкой, на турагентстве – в пляжной шляпе и с удочкой, на военной базе – в черных очках и в камуфляже. По городу гуляй – не хочу. Ужин с водкой и яствами в ресторане – четыре доллара на восьмерых. Вода дороже бензина. Памятник Али-Бабе и сорока разбойникам. Ошалелые журналисты в погоне за иностранными экспертами, а те в погоне за бак-оружием. И наконец, штурм. Американцы в Багдаде. Всеобщий грабеж. Вискарь и параболические антенны в открытой продаже. Первый порнофильм в кинотеатре, первый теракт. Демократия! Свобода – выше всего. Да здравствует свободный Ирак! С миллионом последующих взрывов и похорон.

Снова Афганистан. Пахнет вторжением. Американская бомбардировка сухими пайками. И появление этих пайков на базаре, по доллару за пакет. Убийство благородного Ахмад Шах Масуда арабскими террористами и жующие жвачку солдаты из Аляски, Аризоны и т. д., шагающие вдоль афганских дувалов. Опиум, гуляющий по стране в грузовых отсеках больших «Геркулесов» авиации США. Вселенский бардак.

А теперь Цхинвал. Война. Бегущие в тыл сильные и вооруженные осетины. Идущие на смерть российские батальоны. Психотропное оружие. Таблетки иностранного «озверина» в желудках яростных грузинских солдат. И чуть позже – эти же солдаты в плену: отошедшие, оттаявшие, милые и застенчивые, чистящие картошку на тыловых кухнях российских полков. И скала над бурной рекой Лиахвой, словно стена Рейхстага: *«Здесь была разведка 429-го полка!»* **Рядом крупнее: «8-928-... Педикюр-маникюр. Звоните! Мадина».**

Пуля, что сидит во мне, – хорошее подспорье для памяти. Не случайный осколок, не шальная зараза, предназначенная всем и никому. Эта летела конкретно в меня. И если бы не майор, закрывший меня собой, уже и писать было бы некому. Латунный снаряд со стальным сердечником, калибром 5,45, сначала прошел через его тело, а потом очутился в моем. Разве такие мгновения из памяти выветрит время?

Каждые пять-десять лет у России война. Закономерность. Погибшие, раненые, оставшиеся инвалиды. Потраченные миллиарды. Но война тоже приносит некоторые дивиденды. Выработка патриотизма, необходимого стране, как диабетика инсулин. Объединение вокруг лидеров. Победы, в напоминание о великом прошлом и настоящем.

Да-да, как ни странно это звучит: миру нужна война. Возьмите наших «друзей» за океаном. Вот уж кому враг просто необходим. Всегда. Враг маленький и большой. С одним можно справиться, чтоб предъявить обществу все ту же победу. А большим врагом можно пугать народ. И сенат, пополняя военный бюджет.

А у нас, если нет фронтовых сводок пять лет, шесть, семь, – растет напряжение. «Пятидневная война» давно в истории, с кем дальше? Япония и Курилы? Арктический шельф и Норвегия? Провидение не стало плести лабиринты и «подарило» нам Юго-Восток. Хотя... Еще неизвестно, что было бы хуже, война с НАТО или с самими собой. И вот мои коллеги, взяв свои рюкзаки, потянулись в Донбасс.

Это в кино мы, репортеры, постоянно пьем водку и непрерывно спим с прекрасными дамами. Только в кино тревожно вглядываемся в ночное окно, вытирая пот и вспоминая войну. В жизни нам некогда. Хотя... Столько пройдено, столько друзей похоронено, а вспоминается быт какой-то, вагончики, палатки, посиделки. В общем, все то, что осталось за кулисами этого бесконечного путешествия. Мои дети называли меня «дядя папа», из-за редких наших свиданий. Жена давно не реагирует на приезд и отъезд. Будто я ухожу в магазин, а возвращаюсь из соседней комнаты. На работе таких, как я, не жалеют, потому что мы сами себя не жалеем. Мы, как шарик пинг-понга, сегодня в одном месте, где стреляют, – завтра в другом.

Таджикистан (очередь первая)

Ваня

*Что рассказать вам о войне,
Что рассказать, ребята?
Она все время снится мне,
Смогу ль забыть когда-то?*

(Иван Майборода)

Ваня плакал. Он ходил между развалинами и выл по-бабьи, иногда останавливался, затаился, прислушивался – и двигался дальше, по-детски всхлипывая, как от нехватки воздуха. Потом он вдруг садился на корточки, сцеплял пальцы в замок и, раскачиваясь на ступнях, начинал что-то быстро-быстро шептать, разговаривая то ли с ветром, то ли с окружающими горами. А может быть, с самим собой.

Ваня

Ване было за сорок. Приземистый мужичок, белая рубашка, заправленная в просторные серые брюки. Квадратный торс, кривоватые недлинные ноги в туфлях с мысками узкими, по какой-то давнишней моде. Голова у Вани была круглая и лысая, лишь слегка обрамленная недлинными рыжеватыми волосами. Под прямым мясистым носом – такого же цвета усы. Ваня плакал. Не стеснясь, вытирая большими кулаками свои чуть раскосые, безресничные, красные от слез глаза.

Руины заросли травой и кустами. Незнающим людям не определить, что на их месте было. Небольшой кишлачок, разрушенный временем? Ферма какая? Или погранзастава, разбитая снарядами, взорванная лет двадцать назад?

Ваня плакал, а я вспоминал, как сам оказался здесь – молодой и худой начинающий репортер со своим микрофоном наперевес. Тела пограничников тогда уже увезли, остался труп одного из нападавших. Он лежал в траве у самых ворот, под деревом. Безумная, ошалелая от канонады гнедая лошадь, цокая копытами, бродила вокруг, пугала меня, то и дело тыкаясь мокрой мордой в плечо и в шею. Развалины заставы еще дымились. Было трудно поверить в то, что произошло. А еще труднее в то, что я снова приеду сюда ровно через двадцать лет после боя.

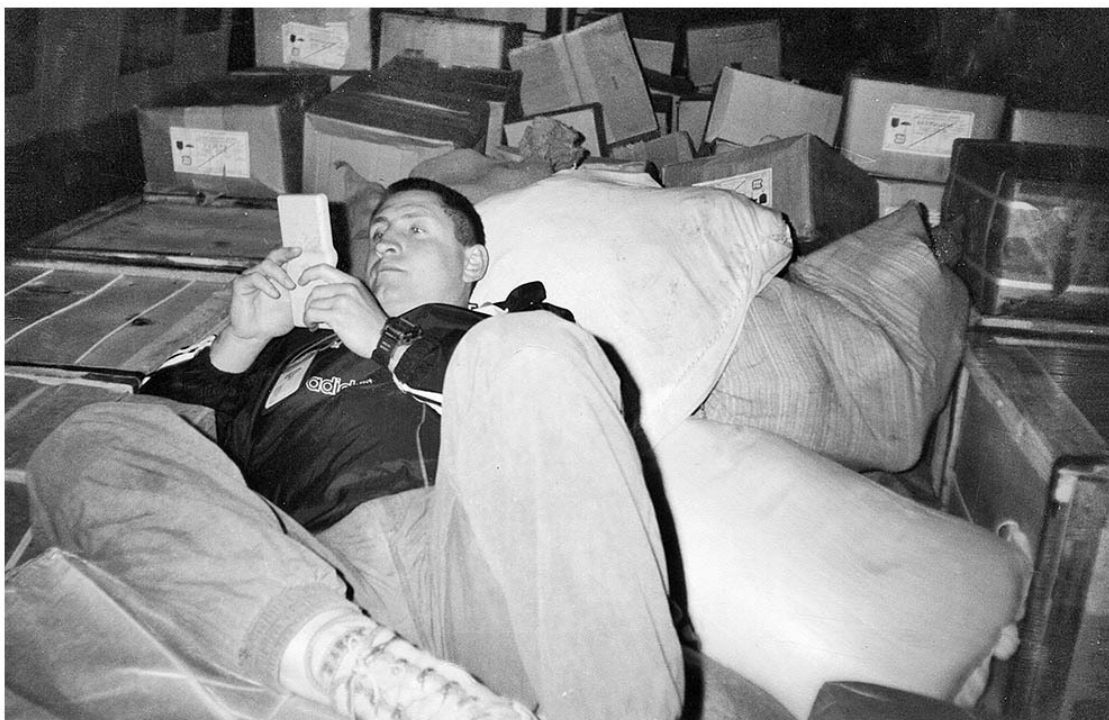
Волшебный мешок

Любить военно-транспортную авиацию невозможно. Уважать – да, любить – никогда. Хотя бы за ее дикую непредсказуемость. Сядишь в самолет, чтоб с оказией лететь, скажем, в Адлер, – запросто можешь приземлиться в Ростове. Или в Шайковке. Или в Мигалово. Да черт-те где. Ты можешь, надеясь добраться быстро, застрять на каком-нибудь промежуточном аэродроме, вдали от цивилизации. Мучаясь от солнцепека, будешь спрашивать: «Почему не летим?» И тебе могут ответить: «Взлет не дают, погода плохая». А на улице ни ветерка, ни дождики. А все очень просто: у пилотов обед, они уехали в летнюю столовую, а там, может, и в город заскочат, на местный рынок, туда-сюда. А если уж у кого-то из экипажа зазноба живет рядом с аэродромом, тогда вообще кранты.

Вот и сейчас я лежу на мешках с сахаром, аккуратно сложенных штабелями в огромном чреве транспортного самолета Ил-76. На улице февраль, девяносто третий год. Вторую неделю мы не можем взлететь с аэродрома Чкаловский. Экипаж то прогревает движки, давая нам надежду на взлет, то вырубает их, заставляя нас мерзнуть. Когда наконец пойдем на Душанбе, неизвестно. Отходить от борта нельзя, вдруг он улетит. Вот и мучаемся. Это первая моя командировка, недавно меня взяли репортером в штат «Радио России». Перед убытием собрались в кабинете директора Алексея Владимировича Абакумова. Атмосфера совещания мне понравилась. Общались не начальники и подчиненные, а команда авантюристов. Обсуждение оказалось коротким.

- Из Таджикистана у нас ноль, нет информации.
- Надо ехать.
- Как? В Душанбе? Туда ничего не летает. Город в осаде.
- А военные? Надо связаться с КП авиации, подбросят.
- Гришин, Сладков, давайте.

И вот мы даем, морозим задницы на сахаре, предназначенном для воюющей российской 201-й дивизии. Антон Гришин, мой напарник, молодой худощавый парень с русской бородой и в больших очках, валяется рядом. Из пассажиров в нашем лайнере мы да представитель душанбинского Военторга Рахим. Форма одежды его соответствует положению: норковая шапка, мохеровый шарф, дорогая дубленка. Это его сахар. Точнее, он ответственный за доставку. Сначала мы изводили Рахима: когда полетим? Потом спрашивали экипаж. Бесполезно. Рахим пожимал плечами, летчики молчали, как изваяния. Наконец у меня созрел план. И мы его тотчас реализовали. Рахим взвалил на плечо мешок сахара и отнес его на командный пункт. Через пять минут самолет уже брал курс на Таджикистан.

Первый перелет в Таджикистан. На мешках с сахаром

Нас здесь нет

В Душанбе нас не ждали. Темный город. Можно было бы сказать «черно-белый», только белого я не заметил. Угрюмые люди кишлачного вида, забившие собой столичные улицы и проспекты. Многие с автоматами. Суeta суeta. Военные подбросили нас в город и оставили возле базара. Потолкавшись вдоль рядов, насмотревшись на диковинные кулябские оранжевые лимоны и на стеганые халаты-чапаны, стали решать, куда двигать. Гришин пожевал ус и на правах старшего определил:

– Давай в штаб дивизии.

Помытарили на КПП и пустили. В штабе темно и безлюдно. Сидим в кабинете замполита полковника Ивлева.

– Что там в Москве слышно?

– Да ничего.

– А здесь война. Тут недавно наших военных в заложники взяли. Так мы кишлак окружили, предупредили: даем два часа, и артиллерия будет стрелять. Через десять минут привели. Да что там, вон наш начальник штаба дивизии, полковник Черномордин, в танковой дуэли участвовал. К нам на блокпост выехал танк и вдруг – бац – выстрелил. Черномордин на нашем танке – навстречу. Едут и стреляют друг в друга, пока этим товарищам башню с корпуса не скovyрнули.

Ивлев кивнул на рацию:

– Да наши танки и сейчас в Ромите. Воюют.

Рация оживает:

– Третий, мои две коробочки впереди. По ним со стороны дач ведется огонь.

Замполит сгребает одной рукой наушники, прижимает их к голове, спокойно командует.

– Ну так бей их. И подтягивай остальные коробочки. Только аккуратней на флангах смотри.

И уже нам:

– Ущелье там. Заповедник, еще советский. Река, форелька. Сейчас там оппозиция засела. Узбекская авиация их утешит. Ну, и мы помогаем.

Гришин оживает:

– Так, а как попасть в этот Ромит, посмотреть своими глазами, что там делается?

Ивлев машет на нас руками, как на проклятых:

– Да вы что, об этом ни-ни! Говорить нельзя! Нас здесь нет, официально мы по гарнизо-
нам сидим, не работаем!

Ослиные уши

В дивизии делать нечего, там ничего нельзя. А нужна информация, что передавать в Москву? На улице Гришин, пожевав ус, принимает очередное решение:

– Давай к Ирине Каримовой, есть у меня тут знакомая, она на таджикском радио работает. Может быть, через нее что-нибудь и нароем.

Зашли в местный Дом радио, созвонились. Ирина пригласила домой, дала ориентир – памятник с романтическим народным названием «Ослиные уши». Такси не ходит, пошли пешком. Город после обеда пустел на глазах. Проехала российская бронеколонна. Обыденно так, проурчала, как в порядке вещей, подумаешь, БТРы на улице. Обошли два скомканных разбитых автобуса. Рядом человек: фуфайка, папироска, автомат Калашникова. Охраняет их, что ли. Взгляд исподлобья, недобрый.

Памятником оказался танк на постаменте, времен войны. А по бокам от него вздымались такие высокие каменные ленты. Действительно, издалика напоминают длинные уши. Мы нашли дом, хрущевку, и квартиру на первом этаже.

Дверь открыла невысокая симпатичная молодая женщина.

– Это я, Ирина, проходите, ребята. Живу одна, угостить вас особенно нечем, вы сами видите, что в городе происходит. Но чай всегда найдем.

Ирина расставляет пиалы, рассказывает:

– Порядка нет. На улице человека, что муху, прихлопнуть могут. Оппозицию отогнали, но недалеко. Да их и в городе вон полно. Того и гляди что-нибудь захватят. Телевидение, администрацию какую.

– Нам бы материал собрать. Записать интервью какое-то...

– А на какую тему?

– Война, граница.

– Есть у меня один знакомый...

Через час мы уже работали. Прямо на квартиру пришел главный таможенник Таджикистана Алмоз Годоев. Мы говорили, записывали. И про оружие, и про войну, и про наркотики с контрабандой. Поговорили, он надел пальто, кепку, шарф белый и вышел за дверь. Через секунд десять – выстрел. Прямо дурное кино. Алмоз лежал у подъезда. Ничком. Все тот же шарф, пальто, начищенные туфли и откатившаяся в сторону кепка. Застрелили. Ждали, наверное, пока с московскими журналистами договорит. Ирина ушла на кухню, а мы с Гришиным сидим и пьем друг на друга. А что говорить? Попали.

Еще полчаса, звонок телефона. Ирина берет трубку, я не вижу, волнуется она или нет.

– Да. Да. Поняла.

Что там?

– Родственники Годоева позвонили. Сейчас придут убивать.

– Кого???

Ирина в ответ пожимает плечами. Я вдруг понимаю: это не во сне, в реальности. И не бить придут, а именно убивать. На улице ночь, самое время для таких дел. Сажусь к телефону и названиваю по номерам, выданным в редакции «на всякий случай». Попадаю на Виталия

Блинова, замминистра внутренних дел Таджикистана. Будить не пришлось, но голос с той стороны звучит усталый-усталый. Я хорохорюсь.

- Проблемка у нас.
- Какая проблемка?
- Убивать нас сейчас придут.
- Двери крепкие?

Такой реакции я не ожидал. Усталый голос из телефона продолжает вещать, как из детективной радиопостановки, видать, на автомате.

– Людей у меня сейчас нет, все на выездах. Забаррикадируйтесь, накидайте мебели в прихожей, постарайтесь продержаться до утра. Все, отбой.

- Так у нас первый этаж...

Бесполезно. Трубка уже безжалостно загудела: пи-пи-пи. Вот так, первое редакционное задание. Первое, как говорится, и сразу последнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.